

УДК 811.161.2'373

З. И. КОМАРОВА
(Екатеринбург, Россия)

ОСНОВЫ СИСТЕМНОЙ МЕТОДОЛОГИИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И ТЕРМИНОВЕДЕНИЯ

Обосновывается необходимость создания системной методологии современной полипарадигмальной лингвистики и терминоведения. Раскрываются принципы, постулаты и концепты системной методологии. Дается четырёхчастное строение эпистемической цепочки: методология – метод – методика – технология. Предлагается иерархическая структура системной методологии современной лингвистики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: системная методология, метод, методика, технология, эпистемическая цепочка.

История лингвистики как науки – это не только хронологическая последовательность теорий о языке, но и одновременно история лингвистического познания, и, следовательно, история становления лингвистической методологии. Проблема её становления настолько сложна и противоречива, что требует отдельного монографического освещения. В жанре статьи мы остановимся только на её современном этапе.

Сегодня мы находимся в парадоксальной ситуации: с одной стороны, перед нами «монблан» научных работ, о чём свидетельствует большая библиография в нашем учебном пособии [18, с. 730–795]. Однако, с другой стороны, «работ обобщающего, системного характера <...> всё ещё очень мало» [14, с. 9]. В одной из новых работ известных лингвистов С. В. Гринёва-Гриневича и Э. А. Сорокиной «О современных методах лингвистических исследований» дан подзаголовок «к постановке проблемы» [11, с. 277], что свидетельствует о нерешенности проблемы.

Думается, что причины этого многочисленны и разноплановы, но одна из главных – разноположенность методологических работ по языкознанию, философии, логике, науковедению и других наук. А при всей весомости результатов, достигнутых каждой из этих наук на своём «поле», синтез их достигается с трудом. А потому одной из насущных проблем современной лингвистики (металингвистики) является создание системной методологии. Эта мысль осознана с позиции философии науки и науковедения [12; 22; 25; 26; 33 и

© З. И. КОМАРОВА, 2013

др.] и с позиции современной синергетики (В. Г. Буданов, С. П. Капица, Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов, И. Пригожин, И. Стенгерс, Г. Хакен и др.), а также с позиции самой современной лингвистики (Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Зубова, А. Е. Карлинский, З. И. Комарова, Г. П. Мельников, В. А. Пищальникова, А. Г. Сонин, В. А. Ступин, К. Э. Штайн и др.).

Решение этой проблемы подготовлено всем ходом многовекового развития методологической мысли как в философии, философии науки, науковедении, так и развитием всех существующих частных наук (субнаук).

Более того, в наши дни сформировались все необходимые предпосылки для такого синтеза, среди которых следует отметить, прежде всего, то, что на рубеже XX и XXI веков стало очевидным, что человечество переходит от одной эпохи мышления и деятельности к другой: от «века анализа и синтеза» к «веку систем» [29, с. 3], для которого характерно появление и развитие *сложных* и *сверхсложных* систем, включающих так называемые «человекоразмерные» системы: *Земля* как система взаимодействия геологических, биологических и техногенных процессов; *Вселенная* как система взаимодействия микромира, макромира и мегамира; *Ноосфера* как «мыслящий» пласт Земли [7]; *Человек* как «самый таинственный объект науки, который по природе своей космичен как центр бытия»; и его *Язык*, который, как известно, создан по мерке человека и который есть одновременно, по мнению В. фон Гумбольдта, «творение природы человеческого разума» и «дар, полученный от творца» [18; 19].

Необходимость исследования таких *сложных* и *сверхсложных* систем обусловила оформление другого типа наук – постнеклассических [12; 22; 33]; другого типа систем – динамически-синергетических и создание общей теории систем (Л. фон Берталанфи, И. Блаубер, Э. М. Мирский, В. Н. Садовский, А. И. Уёмов, У. Р. Эшби и др.).

Необычайная сложность общества XXI столетия, способного, по словам И. Пригожина и И. Стенгерса, претерпевать огромное число бифуркаций и выдвинуть «парадигмальную программу нового синтеза», провозглашающего своей целью снятие противоречия не только между гуманитарным и естественнонаучным познанием, но и между двумя культурами: Запада и Востока [28, с. 135].

Поэтому велением времени, категорическим императивом XXI века становится формирование своеобразного социо-техно-информационно-инновационно-научно-культурного суперкомплекса [3, с. 219], в котором основным фактором эффективного взаимодействия становится взаимообусловленность науки и культуры.

Ещё одним благоприятным фактором для создания системной методологии является осознание в философии науки, науковедении и субнауках современного вектора наук: *семиотика* (как *первонаука*, поскольку концепт – знак востребован во всех науках [12, с. 188]) → *лингвистика* (как средство кодирования и декодирования любой информации, потому лингвистика «изучает всё, что вербализовано» [23, с. 3]) → *логика* → *математика* → *физика* → *химия* → *геология* → *биология* → *социальные науки* → *технические науки* [12, с. 188].

К тому же в этом сообществе наук *лингвистика* выполняет роль методологического локомотива в формировании общенаучной и межнаучной методологии, «возвещающая плодотворный синтез методов и методик» [32, с. 300].

Постановка проблемы инициирует поиск её решения, который на данном этапе (второе десятилетие XXI века) может рассматриваться как «введение» в системную методологию.

Определим принципы, основные постулаты и концепты¹ системной методологии языкознания.

Первый принцип и основной методологический постулат — антропоцентризм, который состоит 1) во включении языковой личности в объект науки о языке «как такой концепции, которая позволяет интегрировать разрозненные и относительно самостоятельные свойства языка» [13, с. 16;]; 2) в познавательной деятельности — *субъект познания* (действующий человек) [3, с. 18] — основной компонент познавательной ситуации; 3) антропный принцип Вселенной [7, с. 80; 15, с. 24].

Второй принцип и постулат — деятельностный, поскольку деятельность является *универсальной формой* существования человека в мире. Кроме *универсальности* строения, важное значение имеет деятельность как объясняющая модель сфер человеческой активности [5, с. 5]. Под деятельностью обычно понимается процесс человеческой активности в его взаимодействии с окружающим миром, для достижения определённых целей, а потому вне человеческой деятельности не существует ни сам язык, ни его познание.

Познавательная деятельность направлена на получение объективных и точных знаний о сущности предметов и явлений окружающего мира и о законах природы и общества [27, с. 554], согласно праксеологии (раздел философии, рассматривающий общую теорию деятельности) и праксеологии науки (раздел философии, предметом которого является изучение науки как деятельности).

Третий принцип и постулат — системный: 1) представление изучаемого объекта, явления и т. п. в виде целостной системы, обладающей системными качествами и проведение определённых операций с этим объектом-системой; 2) многоаспектное описание одного и того же объекта, т. е. выделение у него разных предметов (*предмет-система*), соотносящихся с различными научными областями, и последующий синтез результатов разнопредметного исследования объекта; 3) установка на системность мышления исследователя и различения *объекта-феномена* и *объекта-системы* как модели этого объекта-феномена [35, с. 70–83].

Центральным понятием системного, а точнее системно-деятельностного анализа являются концепты *система* и *структура*, неоднозначно понимаемые в языкознании [сравни: 31, с. 125 и 24, с. 68].

¹ Речь идёт о научном концепте. Термин *концепт* используется нами в его первичном значении: от лат. *conceptus* — «понятие, представление». Он используется в наши дни в философии науки и науковедении в значении «относительно самостоятельный структурный компонент (общее понятие) какой-либо теории» [12, с. 115] или «понятие, выражающее сущность какой-либо научной или философской теории» [22, с. 410]. В этом значении он используется в терминоведческих и лингвистических работах [18, с. 28; 30, с. 412].

Четвертый принцип и постулат – дискурсивность познавательной деятельности. Определение дискурса как опосредованного познания сформировалось ещё в античных теориях. Термин *дискурсивный* встречается у Фомы Аквинского, который считал, что «дискурсивный интеллект – это такой, в котором одно познаётся через посредство другого» [1, с. 85]. В нашем исследовании дискурс представляет собой целенаправленное, профессионально обозначенное речемышление учёного, в ходе которого рождается, формируется и формулируется новое знание, стимулируемое научным концептом [30, с. 413].

Пятый принцип и постулат – парадигмальность vs непарадигмальность познания языка / речи. Под парадигмальными понимаются «признанные всеми научные достижения, которые в течении определенного времени дают модель постановки проблем и их решений», которые являются «источником методов, проблемных ситуаций и стандартов решения» [21, с. 31]. К непарадигмальным относятся новаторские нетрадиционные способы познания лингвистической деятельности, которые не вписываются в рамки общепринятых концептуальных схем, проблемных ситуаций и стандартов их решения. Они «разрывают» каноны существующих теорий, понятий и представлений, требуя новых подходов и методов лингвистического поиска [2, с. 28]. К ним относим и те традиционные методы, которые достаточно широко используются в современной лингвистике [18, с. 29].

Шестой принцип и постулат – статистико-комбинаторный, включающий количественно-качественную структуризацию языкового материала, поскольку «нужно признать объективную присущность языку количественных признаков, количественных характеристик» [10, с. 11], учитывая общефилософский принцип комплементарности количественной и качественной сторон любых объектов, в том числе – и языковых [22, с. 254]².

Следует отметить, что все эти принципы и постулаты, как видим, логически связаны и взаимообусловлены, и мы полагаем, что эта связь настолько органична, что позволяет ввести суперконцепт, синтезирующий обозначенные постулаты и являющийся «ядром» системной методологии лингвистики.

Необходимо сделать пояснение. В последние годы в металингвистику введены несколько суперконцептов. Коммуникативная ситуация как суперконцепт, соотносимый со знанием о коммуникативной (преимущественно вербальной) деятельности: «Все подструктуры, содержащие коммуникативно-регулятивную информацию, образуют органический сплав, они симбиотичны, весьма тесно взаимодействуют, а создаваемые ими конфигурации сугубо индивидуальны и предельно динамичны» [6, с. 185].

Для абстрактной модели научного знания, которая акцентирует содержательную специфику научного текста, введён суперконцепт – эпистемическая ситуация [4; 20] – «совокупность взаимосвязанных признаков познавательной деятельности в единстве составляющих её онтологичес-

² Обозначенные принципы и постулаты являются в какой-то мере общенаучными, т. е. принятыми не только в лингвистике. К дисциплинарно-лингвистическим следует отнести ещё постулаты, выделенные Ю. С. Степановым: 1) о тождестве и различиях; 2) о синтагматике и парадигматике; 3) о синхронии и диахронии; 4) о времени – пространстве [32, с. 301–305].

кого, методологического, аксиологического, рефлексивного и коммуникативно-прагматического компонентов, оказывающих систематическое влияние на формирование научного текста (дискурса) и определяющих его стилевую специфику» [4, с. 38].

Онтологический компонент связан с предметным содержанием знания, т. е. научным осмыслением явлений реального мира (природы, человека и общества), получающим выражение в системе исходных, основных и уточняющих понятий.

Методологический компонент характеризует познавательную деятельность со стороны способов получения, развития и обоснования научного знания, а также его репрезентации в содержательно-логических формах понятий, категорий, идей, концепций.

Аксиологический компонент соотносится с оценочной природой познания, субъект которого (ученый) является не только мыслящим человеком, но и человеком оценивающим. При этом оценке подвергается как старое, так и новое знание, получаемое лично автором. Социально значимыми, а значит, наиболее важными, характеристиками знания являются степень его достоверности, новизна и актуальность — универсальные параметры оценки научной информации [18, с. 663–671].

Рефлексивный компонент связан с личностным характером познавательной деятельности, в которой исследователь проявляет индивидуальный стиль мышления, эмоциональные реакции на то или иное научное явление, а также активно утверждает свою личностную позицию в науке. Иными словами, рефлексия выявляет спектр личностных качеств исследователя, актуальных для его научной деятельности [18, с. 321–323].

Следует сказать, что личностно-психологическое начало, включающее персональный познавательный стиль, понимаемый как иерархически организованная, многосторонняя и гибко изменяющаяся форма интеллектуального поведения свойственна в большей степени самой научно-познавательной деятельности, чем тексту, являющемуся «рафинированным» продуктом научного творчества. Вместе с тем в тексте всегда остаются «следы» авторской рефлексии, поскольку отсутствие личностных моментов не просто лишает научный труд обаяния индивидуальности, но приводит к ощутимым потерям в содержательном плане. И это понятно: «наука — это живая человеческая практика, вбирающая в себя и страсть, и радости, и трудности, обнаруживающиеся в стиле выражения мыслей» [4, с. 50].

Коммуникативно-прагматический компонент эпистемической ситуации соотносится со сложным и многогранным процессом перестройки всех экстралингвистических факторов познавательной деятельности в собственно лингвистические, т. е. *текстовые*, так как научный текст — это узел, связывающий познание и общение. Именно в тексте осуществляется преобразование всех компонентов эпистемической ситуации в смысловую структуру, объективированную средствами языка [4; 20].

Невозможно переоценить роль текста в научной коммуникации, поэтому приведем убедительное рассуждение Е. А. Баженовой: «Только текст, находясь на пересечении двух типов коммуникативного взаимодействия — од-

ного учёного с другими и одного этапа в развитии отрасли знания с последующим, — способен обеспечить работу сложного механизма науки. Вне текста (точнее, до текста) мысль существует лишь в форме *субъективного сознания индивида*, она не является общезначимым социальным фактором и, следовательно, не может стать предметом объективного научного анализа. Поскольку научное познание ориентировано на коммуникацию, то эпистемическая ситуация соотносится не только с собственно познавательной, но и с текстообразующей деятельностью ученого, в результате которой когнитивное преобразуется в коммуникативное и новое знание обретает «голос», чтобы быть услышанным» [4, с. 231].

В философии науки, в теории научного познания введён суперконцепт познавательная ситуация — «условия познания любого объекта, включающие следующие компоненты: 1) объект познания; 2) субъект познания; 3) средства познания» [22, с. 501]. Возможно шестизвенная структура, включающая шесть взаимосвязанных элементов: 1) субъект деятельности; 2) цель деятельности; 3) средства деятельности; 4) предмет / объект, на который направлена деятельность; 5) сами активные действия; 6) результат деятельности [3, с. 18–19].

Как видим, этот суперконцепт даёт лишь *формальную структуру* познавательной ситуации. Потому С. А. Лебедев считает, что «содержание и результат познания (выделено мной — З. К.), в том числе и научного зависят не только от этих трёх компонентов» [22, с. 502].

Существенно отметить, что все названные суперконцепты достаточно близки в методологическом отношении, но рассматриваются на разном материале, поэтому получают различную интерпретацию. На наш взгляд, суперконцепт эпистемическая ситуация (от греч. *episteme* — «знание») вполне может быть перенесён на познавательную ситуацию для её *содержательной интерпретации*. При этом эпистемическая ситуация рассматривается нами как метамодель познавательного процесса [18, с. 31].

Эпистемическая ситуация позволяет уточнить структуру метода: ввести в трёхчастную структуру ещё один компонент — технологию, в результате чего структура лингвистического метода стала не трехчастной, что уже вошло в традицию, а четырехчастной³: методология ↔ метод ↔ методика ↔ технология. Дефинируем эти основополагающие концепты.

³ Четырёхчастное строение метода, по нашему мнению, не является случайным с лингвофилологической позиции. Мы опираемся на систему аргументации В. С. Юрченко и сформулированную им гипотезу о ещё одной лингвистической константе: «естественный человеческий язык в своей глубине представляет собой бинарную асимметричную оппозицию (3+1 или 1+3), заданную (существующую) на четырехчастной основе [36, с. 23–31]. Кстати, о переходе от двучленных классификаций, построенных по дихотомическому принципу, к многочленным, которые «гораздо сложнее, так как они сохраняют противоречивость и сложность развития языка», писал В. И. Колдухов [16, с. 5].

Идею В. С. Юрченко о том, что число четыре является «лингвистической константой», поскольку внутренним содержанием всех фундаментальных ментальных структур и систем языка является четырёхчастная основа в бинарно асимметричном отношении (1+3 и 3+1), поддерживает В. В. Колесов в книге «Философия русского слова» [17, с. 411].

1. Методология (нем. *Methodologie* < греч. *methodos* – «путь вслед за чем-нибудь» + *logos* – «учение, наука») – 1. Учение о принципах, основных путях, методах и способах познания языковой действительности; программа исследования. 2. Общая теория лингвистического метода.

2. Метод (греч. *methodos* – «путь вслед за чем-нибудь») – совокупность исследовательских методик, приёмов и операций, т. е. средств исследования, используемых для достижения цели и решения исследовательских задач в соответствии с лингвистической теорией и методологией познания языковой действительности.

3. Методика – процедура применения тех или иных методов и приёмов на всех этапах лингвистического исследования, которая зависит от личности лингвиста-исследователя.

4. Технология – фиксированная совокупность приёмов научно-практической деятельности, приводящая к заранее определённым результатам, включающая способы и средства описания получения нового знания и результатов лингвистического исследования как внешнюю форму методики, которая представляет собой *операционно-технологическую процедуру*.

Нетрудно увидеть, что четырехчастное строение метода было замечено уже В. И. Кодуховым, который в другой формулировке различал четыре понятия, выраженные термином метод: метод-аспект как способ познания действительности (т. е. методология); метод-приём как совокупность правил исследования (т. е. собственно метод); метод-методика как процедура применения метода-приёма и метод-способ (т. е. технология) – вербальная и невербальная форма описания методики [16, с. 213–217].

Введенный нами концепт технология поддерживается в логико-философских и науковедческих источниках, что обусловлено императивом нашей техногенной цивилизации, в которой «складываются социокультурные условия воспроизводства технологий. Создаются дисциплины, в которых технология осознаётся и осмысливается» [27, с. 554].

При этом подчёркивается неопределённость и многозначность термина технология, что характерно периоду становления любого нового понятия. В связи с этим в разных источниках дефинируется 5–6 значений, в том числе одно из нескольких в нашем понимании: «Технология (от греч. *techne* – «искусство, умение, мастерство» и *logos* – «учение, наука, слово...») – осознанная техника человеческой деятельности – индивидуальная или коллективная» [27, с. 542]. При этом А. Г. Войтов подчеркивает, что это «операциональный процесс деятельности людей, который позволяет получать одни и те же результаты всем людям, овладевшим технологией» [8, с. 336].

Важно подчеркнуть, что в этой «тетрахотомии» центральным компонентом является метод как специфический способ познания, поскольку, по Г. В. Гегелю, «только метод способен обуздать мысль и вести её к предмету исследования и удерживать в нём» [8, с. 57]. Он подкрепляется с двух сторон: методологией, которая осмысляет границы его применения, его сущность, способы взаимодействия между субъектом и объектом в познавательной деятельности и др., а с другой стороны, – методиками – конкрет-

ными способами реализации методов, связанными с определённым материалом [18, с. 43].

Необходимо обратить внимание ещё на один момент взаимодействия всех четырёх концептов в этой эпистемической цепочке: первые три компонента служат для выражения процедуры открытия знания [32, с. 11], т. е. являются *стратегией* и *тактикой* получения нового знания в исследовании в зависимости от его цели и задач, а четвёртый компонент — технология — служит в основном для изложения полученного знания (по Ю. С. Степанову), хотя следует подчеркнуть, что он участвует и в добычании научного знания, если исходить из методологического постулата о внутреннем единстве процесса открытия и процесса описания полученного знания [32, с. 11].

Иначе говоря, структура эпистемической цепочки концептов, раскрывающая строение метода, является своеобразным подтверждением и ещё одним аргументом, поддерживающим гипотезу В. С. Юрченко, т. е. представляет собой бинарную асимметричную оппозицию: 3+1.

Таковы в кратком изложении основные принципы, постулаты и научные концепты *системной методологии лингвистики*. Они составляют **первый основной подход** в теоретической методологии лингвистики.

Второй подход состоит в выявлении и синтезе источников и составных частей теоретической методологии, создающих её лингвистическое основание. К ним относим: 1) философию и философию науки; 2) науку и науковедение; 3) логику и психологию; 4) аксиологию, этику и эстетику; 5) семиотику и лингвистику; 6) терминоведение.

Отметим при этом, что число наук, входящих в основание, взято с позиции минимально достаточной для получения достоверности, но не исчерпывающе, что, собственно говоря, невозможно, т. к. современная «синтезированная» лингвистика не имеет в исследовании «чужих полей». Поскольку языки способны вербализовать любой тип знания (лингвистическое, гуманитарное, естественнонаучное, техническое и т. д.), то в континуум оснований методологии практически могут быть включены все науки, существующие «здесь и сейчас». Но они, вне всякого сомнения, занимают разные места по отношению к лингвистике, потому нами были рассмотрены только наиболее, так сказать, «лингвоцентрические» науки.

Третий подход заключается в характеристике логической структуры научной деятельности — это в первую очередь обсуждение проблем *объекта и субъекта, объекта и предмета* исследования; его форм (гипотеза, факт, теория, концепция, закон...), средств изучения, а также результатов исследования и их верификация. Но основным концептом, безусловно, является *теория метода*.

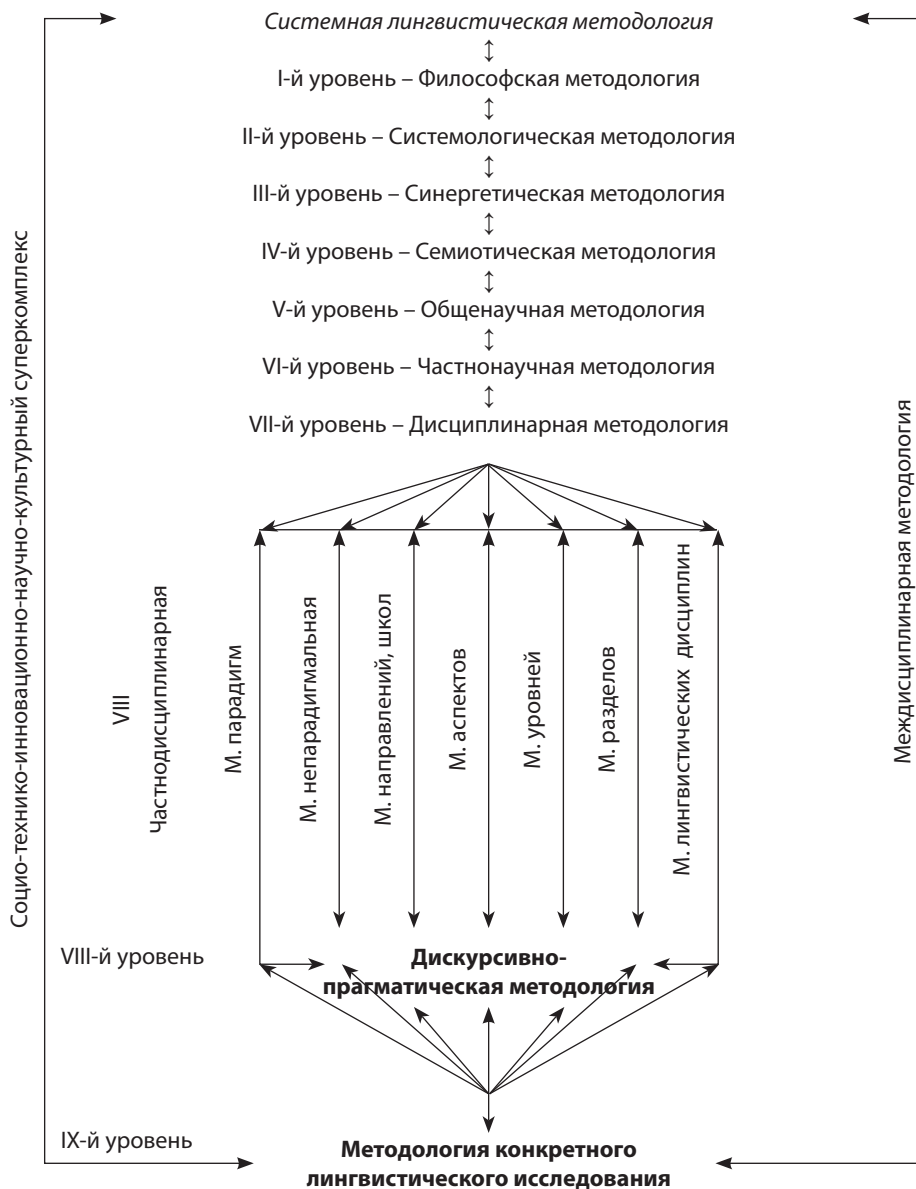
Четвёртый подход к системной методологии — это анализ временной структуры научной деятельности (*фазы, стадии, этапы*) и *технология* выполнения исследования на каждом из последовательных этапов работы.

Пятый подход состоит в синтезе содержательной и формальной методологии. Содержательная, как мы видим, включает рассмотрение законов, теорий, концепций научного знания; критериев научности и их из-

менений и т. д. Формальная методология состоит в практическом применении положений содержательной методологии (*методика и технология*).

Итак, учёт многомерности, многоликости и парадоксальности языка и сложной дисциплинарно-методологической структуры современной полипарадигмальной лингвистики [18, с. 349], синергетичности языковой системы [19], позволяет создать модель, в которой системная лингвистическая методология представляет собой иерархическую девятиуровневую сублинированную систему (Рис. 1).

Рис. 1. Структура системной лингвистической методологии

Отметим, что в научной литературе обычно даются трёхуровневые субординированные системы методов: *философские, общенаучные и частнонаучные*. Наибольшей глубиной иерархии обладает система, описанная Е. Н. Ярковой в книге «История и методология науки» (2007), в которой обоснована пятиуровневая система методологии: 1) философская; 2) общелогическая; 3) общенаучная; 4) частнонаучная и 5) дисциплинарная [37, с. 89].

В заключение подчеркнём, что взаимосвязь и проницаемость методологических уровней, особенно гибридных (*системного, семиотического, герменевтического и синергетического*), создаёт единое целое полипарадигмальной лингвистики и обеспечивает её связь с когнитивными ресурсами современной культуры [18, с. 288], что позволяет ей выполнять роль методологического «локомотива» в формировании общенаучной и межнаучной методологии.

1. *Алексеева Л. М., Мишланова С. Л.* Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. — Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. — 200 с.
2. *Алефиренко Н. Ф.* Современные проблемы науки о языке. — М.: Наука; Флинта, 2009. — 416 с.
3. *Бабосов Е. М.* Социология науки. — Минск: Харвест, 2009. — 224 с.
4. *Баженова Е. А.* Научный текст в аспекте политекстуальности. — Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. — 272 с.
5. *Белоусов К. И., Блазнова Н. А.* Введение в экспериментальную лингвистику. — М.: Флинта: Наука, 2005. — 136 с.
6. *Боронин А. А.* Суперконцепт «коммуникативная ситуация» и его вербальное воплощение // Проблемы представления (репрезентация) в языке. Типы и форматы знаний). — М.: Калуга, 2007. — С. 180–188.
7. *Вернадский В. И.* Научная мысль как планетарное явление. — М.: Наука, 1991. — 271 с.
8. *Войтов А. Г.* История и философия науки. — М.: Дашков и К, 2004. — 692 с.
9. *Голованова Е. И.* Введение в когнитивное терминоведение. — М.: Наука; Флинта, 2011. — 224 с.
10. *Головин Б. Н.* Язык и стилистика. — М.: Просвещение, 1971. — С. 190.
11. *Гринев-Гриневиц С. В., Сорокина Э. А.* О современных методах лингвистических исследований (к постановке проблемы) // Non multum, sed multa: Немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии. — М.: Авторская академия, 2010. — С. 277–290.
12. *Канке В. А.* Философия науки: краткий энциклопедический словарь. — М.: Омега-Л, 2008. — 328 с.
13. *Караулов Ю. Н.* О предпосылках включения “языковой личности” в объект науки о языке // Русский язык и языковая личность. — М.: ЛКИ, 2007. — С. 11–27.
14. *Карлинский А. Е.* Методология и парадигмы современной лингвистики. — Алматы: Изд-во Казан. УМО и МЯ, 2009. — 353 с.
15. *Князева Е. Н., Курдюмов С. Н.* Основания синергетики: синергетическое мировоззрение. — М.: КомКнига, 2005. — 321 с.
16. *Кодухов В. И.* Методы языкознания // Общее языкознание. — М.: Высшая школа, 1974. — С. 202–280.
17. *Колесов В. В.* Философия русского слова. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. — 448 с.
18. *Комарова З. И.* Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. — Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2012. — 818 с.
19. *Комарова З. И.* Язык, языковая система, лингвистика в зеркале синергетики // Вестник Пятигорского лингвистического ун-та. — 2012. — № 4. — С. 114–123.

20. Которова М. П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (функционально-стилистический аспект). – Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1988. – 286 с.
21. Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. – М.: Изд-во АСТ: Ерман, 2003. – 365 с.
22. Лебедев С. А. Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). – М.: Академ. проект, 2008. – 682 с.
23. Маслова В. А. Современные направления в лингвистике. – М.: Академия, 2008. – 272 с.
24. Мельников Г. П. Системная типология языков. Принципы, методы, модели. – М.: Наука, 2003. – 395 с.
25. Методологический синтез: прошлое, настоящее и возможные перспективы. – М.: Логос, 2005. – 192 с.
26. Методология: вчера, сегодня, завтра: В 3 т. – М.: Школа культурной политики. – Т.1. – 472 с.
27. Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М.: Мысль, 2010. – Т. 3. – 692 с.
28. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. – М.: Прогресс, 1994. – 264 с.
29. Разумов О. С., Благодатских В. А. Системные знания: концепция, методология, практика. – М.: Финансы и статистика, 2006. – 400 с.
30. Ракитина С. В. Научный дискурс с позиции когнитивно-дискурсивного подхода // Активные процессы в различных типах дискурсов: функционирование единиц языка, социолекты, современные речевые жанры. – М.: Ярославль: Ремдер, 2009. – С. 412–417.
31. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. – М.: Наука, 1977. – 344 с.
32. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. – М.: ЛКИ, 2007. – 312 с.
33. Стёпин В. С. Философия науки. Общие проблемы. – М.: Наука, 2006. – 574 с.
34. Холодная А. М. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. – СПб.: Питер, 2004. – 341 с.
35. Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. – М.: Наука, 1997. – 548 с.
36. Юрченко В. С. Философия языка и философия языкознания: Лингвофилософские очерки. – М.: ЛКИ, 2008. – 368 с.
37. Яркова Е. Н. История и методология науки: Учеб. пос. – Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, 2007. – 320 с.

Z. I. Komarova

THE BASICS OF SYSTEM METHODOLOGY OF MODERN POLYPARADIGMATIC LINGUISTICS AND TERMINOLOGY

The article substantiates the need to create system methodology of modern polyparadigmatic linguistics and terminology; discloses the principles, postulates and concepts of systemic methodology. The work gives a four-part structure of the following epistemic chain: methodology – method – methods – techniques. The article suggests a hierarchical structure of systemic methodology of a modern linguistics.

K e y w o r d s: systemic linguistics, method, methods, technique, epistemic chain.